

«Не хочу, чтобы меня узнавали», — говорит он и прячет голову в воротник разбитной джинсовой тужурки. На четкой бритой голове несуразная шапка бобриком, на носу дорогие полутемные очки. Но камуфляж — вещь условная. Официантка приносит кофе и сигареты и вдруг всхлипывает с неопределенной интонацией: «Ах, Максим, это вы...». Не стопроцентную уверенность девушки можно списать на нервы, так что эксперимент с «бобриком» не удался...

Журналисты и журналистки в прошлом веке замордовали Максима расспросами о нем, о его жизни, о его жизни в творчестве, о роли женщины в его жизни и о его творческой жизни с его режиссером Мирзоевым. Он почти честно рассказал обо всем. Гипнотизируя взглядом собеседников, убеждал в том, что никакой он не актер, что просто откосил от армии под крышей театрального вуза. Пока вы приходили в себя, он уже вызывал слезы умиления рассказами о том, как они с бабушкой Верой Буреевой, актрисой театра Мейерхольда, разучивали стихи и прозу перед поступлением. Вы, расчувствовавшись, ахали и охали, а он пудрил вам мозги дальше и сообщал о том, что на самом деле он... врач и лечит травмами всякую больную тварь и, что если захотите, он и вас вылечит. Девушки с микрофончиками верили и таяли, а он тем временем добивал их пророчествами о том,

А что делать? Есть категория людей, подчиняющихся обстоятельствам, а есть те немногие, кто поступает так, как считает нужным и ни перед кем за это отчитываться не собирается. И вы просто от бессилия вздумаете над ними поиронизировать, а потом сложите все свои перья, капитулируете и зайдетесь восторгом, посмотрев какое-нибудь кино «не для всех» типа «Театрального романа», где Максим играет Станиславского, или один раз увидите на сцене «Хлестакова».

Сцена и Максим — это вообще отдельная статья. Говорят, что в результате долгой и счастливой жизни двое любящих производят на свет третьего. И это не ребенок. Это метафизическое существо, та общая зона, которая возникает от пересечения двух динамичных и сильнодействующих окружностей. В нашем случае эта зона носит двойную фамилию Мирзоев-Суханов и

Почему? Нет ответа. Этот человек не оправдывается никогда. И мы можем локти кусать оттого, что не увидели Воланда в его исполнении, но мы никогда не увидим и сожаления в его глазах. Есть такие люди — захочешь, не поймешь.

Говорят, Максима Суханова боятся. Боятся официантки и менеджеры в его и чужих ресторанах, боятся партнеры по сцене (даром что он никогда не «тянет одеяло на себя»), боятся кинопродюсеры, понимая, что в его исполнении даже второстепенная роль перетасует всю задуманную композицию.

В этих опасениях есть место разумному. Свинья не был главным героем в «Стране глухих». В «Ревизоре» у Гоголя весь пятый акт без Хлестакова. С Сухановым получился «Хлестаков» без пятого акта. Спектакль Мирзоева заканчивается с отъездом столичного прохвоста. В «Сирано де Бержераке» зал оживает, только когда на сцену вываливается мощное носатое чудовище, исходящее тестостероном и парализующее зал звуком своего голоса. В Дон Жуане зритель ахает, когда актер берет микрофон и с «Петрович-бэндом» затягивает блюз любви. Диброва, знаменитого своей слабостью к «черной» и просто хорошей музыке, так проняло, что вскоре вся поющая по случаю компания оказалась в его ночном «ПРО свете». Знающие люди жаловались — экран слопал процентов шестьдесят эффекта живого исполнения. Те, кому не хватило, потянулись в театр на спектакль.

С театром у Максима Суханова длинный роман. Его вырастили в Щукинском училище, а Вахтанговский он перерос уже сам. Теперь Михаил Александрович Ульянов зачем-то часто зовет его к себе в кабинет, и полтеатра за дверью мечтает, чтобы его сделали приемником худрука, а вторая половина

— чтобы он подавился куриной костью. Некоторые — чтобы насмерть. Да, это такой мир. Здесь делают до крови и ненавидят годами. Здесь обнимаются и расходятся, поливая друг друга грязью. Здесь, пока доберешься от служебного входа до сцены, тебя эмоционально раздавят, повесят, порежут, задушат и уволят сто раз. Потом пойдут в столовую, которую ты держишь, и налопаются до отвала домашних пирожков. А затем, на сытый желудок, опять рванут бегать по коридорам: «Нет, Суханов-то, Суханов... Как смеет нас всех кормить? Как смеет! Вишь, буфет открыл, сволочь!»

А он молчит. Такие, как он, не огрызаются и не кусают в ответ. В нем почти два метра роста и внутреннее спокойствие глубоко опасного человека. Это очень хорошо чувствуют менты и женщины. Последние призывно смотрят из разных концов полумрака ресторанов и ненавидят очередную жену, а менты...

Недавно на Кутузовском опять тормознули черную спортивную машину актера. Тот открывает окно, недобро смотрит на человека с палочкой, а гаишник прямо прыгает по дороге от радости:

— Здравствуйте, Максим Александрович! Не узнаете меня?! Так я ж этот, такой-то, такой-то. Помните, вы еще меня отругали за то, что часто вас останавливаю? Так это я опять. Я что сказать хотел... Видел вас в кино, «Знаки любви» называется, вы там главную роль играете... Вот это да! Вот это вы молодец! Простите, что тормознул, спасибо сказать хотел! Вы вообще на меня так повлияли. А после вашего «Хлестакова» другими глазами на мир стал смотреть! Ну, все, желаю творческих успехов!

И честь отдал. И Суханов уехал. Улыбнулся своей убийственной улыбкой и нажал на газ...

Возможно, в его нежелании быть узнаваемым гораздо больше смысла. И дело не в кудрявом воротнике, скрывающем пол-лица. Просто разоблачить некоторых людей и добраться до их сути не представляется возможным. Ищешь логику в их поступках, не находишь, злишься, не понимаешь, а потом в один прекрасный день до тебя доходит какая-то библейская идея о том, что «нечего» всех по себе мерить. И эта логика — это ваша логика, а какая она у Максима Суханова, вам даже его мама не объяснит. А маму, кстати, видели? Тонкая, хрупкая, молодая женщина с королевской осанкой и нежной улыбкой. А бабушке, той, которая с Мейерхольдом работала, 92. И живет одна. И еще звонит и спрашивает внука: «А чего это ты в Феодосию зимой поперся? Съёмки? Так летом надо ехать сниматься! Хоть искупался бы...»

Он тихо улыбается бабушке. Он поедет. Летом в Феодосии продолжатся съемки фильма «Беляев», в котором он играет главную роль.

Сегодня Максима Суханова зовут. Михалков и Кончаловский-ст. — в кино. Олег Табаков — в театр. Радио — записывать аудио-книги. Телевидение — вести программы. Журналы — писать авторские рубрики. Вот парадокс — вроде нет моды на актера Максима Суханова, а потребность в нем есть. Что это? Антимейнстрим? Результат работы бессистемной системы выбора ролей? Упрямая верность себе и своему режиссеру? Или талант, которому все мало? И роли не по размеру, и сценарии тесноваты, и режиссеры не единомышленники, и драматургия мутная?

Увидите его — спросите, если решитесь подойти. Он вам наверняка что-нибудь ответит...

Этери ЧАЛАНДЗИЯ.
Фото Алексея ТРЯСКОВА.

Суханов Максим

17.07.06